

УДК 330.101.8

Салихов Б.В., Салихова И.С.*(г. Москва)*АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕЯВНЫХ ЗНАНИЙ
КАК ОНТОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. Исследуются ключевые аспекты развития неявного знания как важнейшего фактора расширенного воспроизводства экономических инноваций. В контексте исследования и обоснования ключевых проблем социально-экономического развития выявляются императивы развития неявных знаний. Предлагаются конкретные направления деятельности различных субъектов хозяйствования по обеспечению ускоренного развития системы, прежде всего, неявного переданного знания. Обосновывается заключение о необходимости превращения научно-образовательного сектора национального хозяйства в ведущую отрасль отечественной экономики.

Ключевые слова: знания, экономика знаний, неявные знания, ценности и смыслы деятельности, когнитивная плазма.

B. Salikhov, I. Salikhova*(Moscow)*ACTUALIZATION OF IMPLICIT KNOWLEDGE
AS ONTOLOGY OF ECONOMIC INNOVATIONS

Abstract. Key aspects of the development of implicit knowledge as the most important factor of expanded reproduction of economic innovations are examined. Through the context of studying key problems of socio-economic development the author identifies the imperatives of implicit knowledge development. Specific directions of different entities activity to ensure the accelerated development of the system are offered. The author primarily means the system of the implicit ineffable knowledge. The conclusion about the necessity of turning scientific and educational sectors of the national economy into the leading sectors of the national economy is substantiated. *Key words:* knowledge, economy of knowledge, implicit knowledge, values and meanings of activity, cognitive plasma.

Замедление темпов социально-экономического развития нашей страны как объективное следствие исчерпанности потенциала восстановительного роста требует ускоренной разработки неотложных мер по реальному повороту отечественной экономики в сторону не только масштабных инноваций. Отсюда *цель статьи* заключается в том, чтобы на основе выявления ключевых современных особенностей развития отечественной экономи-

ки очертить примерный круг срочных задач, решение которых обеспечит ускоренное развитие экономики знаний как общей основы продуктовых инноваций. Достижение цели предполагает решение следующих задач: во-первых, предстоит кратко обозначить методологическую аксиоматику исследования и охарактеризовать условия и факторы, определяющие ключевые императивы развития экономики неявных знаний; во-вторых, необходимо актуализировать сферу соответствующих управленческих решений, обеспечивающих расширенное воспроизводство неявных знаний.

Авторская аксиоматика исследования современной экономики знаний включает следующие ключевые положения. Во-первых, следует исходить из некорректности тезиса о том, что в современных условиях осуществляется «переход к экономике, основанной на знаниях». В данной статье авторы исходят из положения, что любая экономика во все времена основывалась на знаниях; вопрос лишь в том, в какой форме эти знания преимущественно выступали.

Во-вторых, следует исходить из множественности форм экономического знания при их определенной иерархичности и взаимной обусловленности. Имеет место движение от неявного знания к явному знанию и от него – к овеществленному, или продуктовому знанию. При этом *неявное знание* ([англ. tacit knowledge](#)) – это знание, которое не может быть легко передано другим субъектам. Современная экономическая наука преимущественно оперирует с объективированным (продуктовым) и явным знанием; в меньшей степени исследуются условия и факторы развития неявного знания и особенно неявного непередаваемого знания. Исключение составляют отнюдь не многочисленные работы [2; 4].

В-третьих, глубинным основанием методологии исследования предстает анализ *неявного непередаваемого знания*, которое есть результат познания в форме интегральных творческо-трудовых компетенций, выступающих в качестве «сплава» ментальной модели, ценностных ориентиров, смысловых конструктов, мотивов деятельности и интересов субъекта. Именно эти скрытые переменные (так называемые «плазменные гены»), как «сгустки» неявного непередаваемого знания, имеются в виду современными исследователями [17, с. 40–43; 18, с. 119–151].

В-четвертых, аксиоматика исследования связана с новым видением как такового явления «интеллектуального» в экономике в целом и, в частности, с новой концепцией интеллектуального капитала. Традиционные представления о сущности и хорошо известной «триединой» структуре интеллектуального капитала субъекта, включающего человеческий, организационный и клиентский капитал, уступают место более интегрированному подходу, связанному с «ноосферным» определением *интеллектуального капитала*,

представляющего собой систему созидательных, гуманистически направленных компетенций субъекта [7, с. 189–200; 19, с. 20–28]. Наиболее целостно духовно-нравственный концепт явления «интеллектуального» и интеллектуального капитала изложен в ряде работ современных исследователей [5, 14, 19].

В-пятых, аксиоматика авторского исследования проблем развития экономики знаний «фокусируется» на *методологии системной парадигмы*, сущность которой заключается в междисциплинарности общего исследовательского концепта и в актуализации невещественных факторов создания добавленной стоимости. Основоположителем системной парадигмы как методологической инновации является Я. Корнаи [10, с. 10–12]. Среди отечественных исследователей данный исследовательский поток возглавляют, прежде всего, ученые Центрального экономико-математического института РАН [8, с. 82–97; 9, с. 91–95].

Исходя из отмеченных выше суждений, гипотезой является предположение о критической роли системы неявного знания в современной отечественной экономике. Необходимо доказать, что в современных условиях именно система неявного знания является базовым *«аттрактором»* и *императивом* созидательной экономической динамики. Доказательство гипотезы непосредственно увязывается с обоснованием, как минимум, двух предположений. Первое предположение связано с необходимостью формирования *нового качества неявных знаний в системе социально-экономического генотипа*. Термин «социально-экономический генотип» введен в научный оборот и обоснован В.Л. Макаровым и Г.Б. Клейнером [15, с. 72–92]. Второе предположение связано с императивом *качественного обновления неявных знаний в системе технико-технологического прототипа*, под которым понимается «узнаваемость» корпорации по ее конечной продукции.

Доказательство первого предположения непосредственно увязывается с системой «трех провалов» в современной экономике, что и является онтологией системного кризиса. Очевидно, что продолжающийся кризис актуализирует новые исследовательские подходы к анализу складывающейся социально-экономической динамики. Действующая неоклассическая парадигма «нормальной науки» [11, с. 49–73] с методологическим индивидуализмом в своем «жестком ядре» едва ли может претендовать на былую универсальность. Проблема уже не в том, что вслед за известными *провалами рынка* стали воспроизводиться *провалы государства*. Проблема в том, что методология неоклассики стала «невольным» теоретическим «аргументом» в пользу повсеместного *рентоориентированного поведения* экономических агентов, свидетельствующего о *ценностно-смысловом провале общества и даже цивилизации в целом*. Масштабный поиск «плохой» ренты становится

привычным делом, формирующим так называемый рентоориентированный менталитет не только у отдельных экономических агентов, но и целых социальных групп российской нации.

При этом важно отметить системный характер, масштабность и всеобщность поиска ренты в современном обществе, где господствует отнюдь не шумпетерианская, то есть заработанная на инновациях, а именно «плохая» рента. Основными формами «плохой» ренты являются монопольная, природная, политическая, административная и переходная рента [3 с. 13–17; 12, с. 65–67]. Рентоориентированное поведение закономерно становится привычным, приобретает *экзистенциальные черты*, то есть проникает в сферу ментальных моделей и ценностных ориентиров. Наиболее «приземленную» форму рентоориентированного поведения имеет коррупция. *Доходы только от деловой коррупции в нашей стране более чем в два раза превосходят доходы от экспорта углеводородов* (при этом объемы бытовой коррупции не менее впечатляющи). Именно это дает основание назвать коррупцию основной отраслью российской экономики [13, с. 20–22].

Таков *интегральный результат деструкции системы неявного непередаваемого знания в общей системе интеллектуального капитала субъекта*. Качественное изменение сложившейся ситуации «потребуется в будущем колоссальных усилий, направленных на демонтаж социетальной архитектуры рентоориентированного общества» [12, с. 75]. При этом преодоление системной коррупции в нашей стране станет возможным только при условии ликвидации монопольного всевластного положения бюрократии. Это означает «необходимость восстановления в России политической конкуренции, разделения властей и свободы негосударственного сектора – предпринимательства, СМИ, общественных организаций» [13, с. 27].

Другими словами, устранить существующие провалы рынка и государства становится едва ли возможным, если не устранить ценностно-смысловые провалы общества. А здесь требуется не просто «сдвиг парадигмы», а решительная «перезагрузка ценностей». В основе этой перезагрузки должны находиться духовно-нравственные императивы хозяйственной деятельности, детерминирующие господство справедливых, доверительных и гуманистически направленных социально-экономических взаимодействий, о чем уже давно идет речь в релевантной литературе [5; 6; 14]. Сегодня все больше подтверждений тому, что *лечить нужно не экономику; лечить нужно цивилизацию*.

Теперь, применительно к интеллектуальному капиталу корпорации, можно обоснованно утверждать, что качественное обновление социально-экономического генотипа как эндогенной основы неявного непередаваемого знания, или «когнитивной плазмы», требует новых подходов и исследова-

тельских усилий в сфере формирования и развития инновационного экономического менталитета и созидательных смыслов. Если удастся устранить «провал» общества в сфере поиска «плохой» ренты и коррупции, то условия ведения бизнеса в России качественно изменятся, что показано в таблице 1.

Таблица 1

Зависимость компонентов рейтинга (места в мире)
условий ведения бизнеса от коррупции в России

Параметры рейтинга	Исходный рейтинг	Место России без коррупции
Условия ведения бизнеса	112	43
По компонентам рейтинга		
регистрация предприятий	101	66
получение разрешений на строительство	178	150
подключение к системе электроснабжения	184	156
регистрация собственности	46	18
кредитование	104	88
защита инвесторов	117	98
налогообложение	64	10
международная торговля	162	137
обеспечение исполнения контрактов	11	1
разрешение проблем неплатежеспособности предприятий	53	4

Источник: [1, с. 101].

Руководство страны понимает серьезность проблемы коррупции и ставит задачу качественно улучшить условия ведения бизнеса в России: от 112-го места в мире в 2013 г. до 50-го места в 2015 г. и до 20-го места в 2018 г. [1, с. 99–102]. Эта задача вряд ли будет выполнима, если сохранится система власти-собственности как исходный социально-экономический «генератор» рентоориентированного менталитета и поиска «плохой» ренты.

Доказательство второго предположения непосредственно связано с императивом развития преимущественно неявного передаваемого знания, которое обеспечивает качество конечных инноваций. Ситуация здесь не менее сложная, чем в рамках социально-экономического генотипа, поскольку качественные характеристики и производительные свойства технико-технологического «среза» интеллектуального капитала существенно отстают от современных требований. Более того, низкое качество технико-технологического прототипа (проектный, организационный, технико-тех-

нологический, маркетинговый капитал) сегодня предстает как основание механизма торможения, возникшего в отечественной экономике в 2012 г. [16, с. 19–21]. Количественные переменные, свидетельствующие о реальности данного торможения, показаны в таблице 2.

Таблица 2

Темпы экономического роста в мире, США, Евросоюзе, России и других странах БРИК (2007–2013 гг., в % к предыдущему году)

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Страны мира в целом	5,3	2,7	-0,4	5,2	3,9	3,2	2,9
США	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,8	2,8	1,6
Евросоюз	3,4	0,6	-4,4	2,0	1,7	-0,3	0,0
Россия	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,5
Бразилия	6,1	5,2	-0,3	7,5	2,7	0,9	2,5
Китай	14,2	9,6	9,2	10,4	9,3	7,7	7,6
Индия	9,8	3,9	8,5	10,5	6,3	3,2	3,8

Источник: [16, с. 5].

Видно, что темпы роста российской экономики, во-первых, перманентно затухающие; во-вторых, вдвое ниже, чем темпы роста мирового производства; в-третьих, существенно ниже, чем в других странах БРИК. При этом сравнение темпов роста российской экономики с экономикой США или стран Евросоюза вряд ли представляется корректным, поскольку качественное «наполнение» темпов роста здесь совсем иное, да и причины замедления существенно отличаются друг от друга. Например, в США некоторое снижение темпов роста связано не столько с конъюнктурой на внешних рынках, сколько со структурной модернизацией экономики, чего не скажешь об экономике нашей страны, благополучие которой критически связано с динамикой мировых цен на энергоресурсы.

По свидетельству приведенных показателей, в современной российской экономике «заработал» механизм торможения, свидетельствующий как об исчерпанности потенциала кризисного восстановительного роста, так и о продолжающемся консервативно-ресурсном сценарии развития экономики. Отечественные исследователи выделяют интегральные причины начавшегося механизма торможения, выступающие, по сути, как функция системы власти-собственности и рентоориентированного поведения общества (рис. 1).

Рис. 1. Перечень основных причин механизма торможения российской экономики

**ФАКТОРЫ МЕХАНИЗМА ТОРМОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

1. ДЕНТЕЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И «КОНСЕРВИРОВАНИЕ» РЕСУРСНОГО СЦЕНАРИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ, ОТЮДА – ПАДЕНИЕ СПРОСА НА ИННОВАЦИИ И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ (неявное знание)

2. ДЛИТЕЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ ТЕМПОВ РОСТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НАД ТЕМПАМИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА (в среднем в 3-4 раза), ЧТО ПРИВЕЛО К «ПРОЕДАНИЮ» НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА

3. ОБЩЕЕ ДОМИНИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАД ИНВЕСТИЦИЯМИ (доля зарплат в ВВП – более 50%, а прибыли – менее 30%; уровень накопления длительное время составлял 21,8%, тогда как требовалось 25% и выше)

4. КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ОТСТАВАНИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ, ЧТО ПРИВЕЛО К ПОТЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (объем «выкачиваемых» средств из сельского хозяйства составляет 1,3 трлн руб. взамен на 120 млрд руб. «господдержки»)

5. НИЗКАЯ «СТРУКТУРНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ» ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ НА ФОНЕ ИХ БОЛЬШОГО ОБЪЕМА; НИЗКОЕ КАЧЕСТВО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ ДЛЯ ВСЕХ ФОРМ БИЗНЕСА (кроме патрон-клиентских отношений в системе власти-собственности)

Таким образом, потенциал системы неявного знания остается востребованным лишь постольку, поскольку это требуется для обеспечения ускорения темпов добычи полезных ископаемых. Однако главное заключается в том, что *механизм торможения* отечественной экономики «заработал» в условиях, когда в мировой экономике разворачиваются масштабные инновационные процессы.

Во-первых, становится все более действенной «кондратьевская волна» (К-волна) очередного, шестого технологического уклада, связанного с бурным прогрессом медицины, био-, гено- и нанотехнологий, новых (квантовых) принципов работы компьютеров и т.д. Во-вторых, многие ведущие страны приступили к масштабной интеллектуализации своих социально-

экономических систем, осуществляя массивные инвестиции в поиск альтернативных источников энергии. В-третьих, за рубежом все в большей степени осознается критическая роль неявного экономического знания в качественном обновлении экономики, что приводит к новым формам развития национального интеллектуального капитала.

Общим итогом является то, что в наиболее развитых и, частично, развивающихся странах сформирован и перманентно возрастает спрос на инновации, которые принимают очертания *высокоскоростных, непрерывных, масштабных и радикальных*. Возрастание скорости и масштабности инноваций привело, по образному выражению Б. Гейтса, к формированию «бизнеса со скоростью мысли». Все это означает, что успех в современной конкуренции на рынках высокотехнологичной и наукоемкой продукции возможен только в том случае, если национальные инновационные системы обеспечивают высокую скорость обновления «когнитивной плазмы», то есть системы ключевых инновационных компетенций в форме неявного знания.

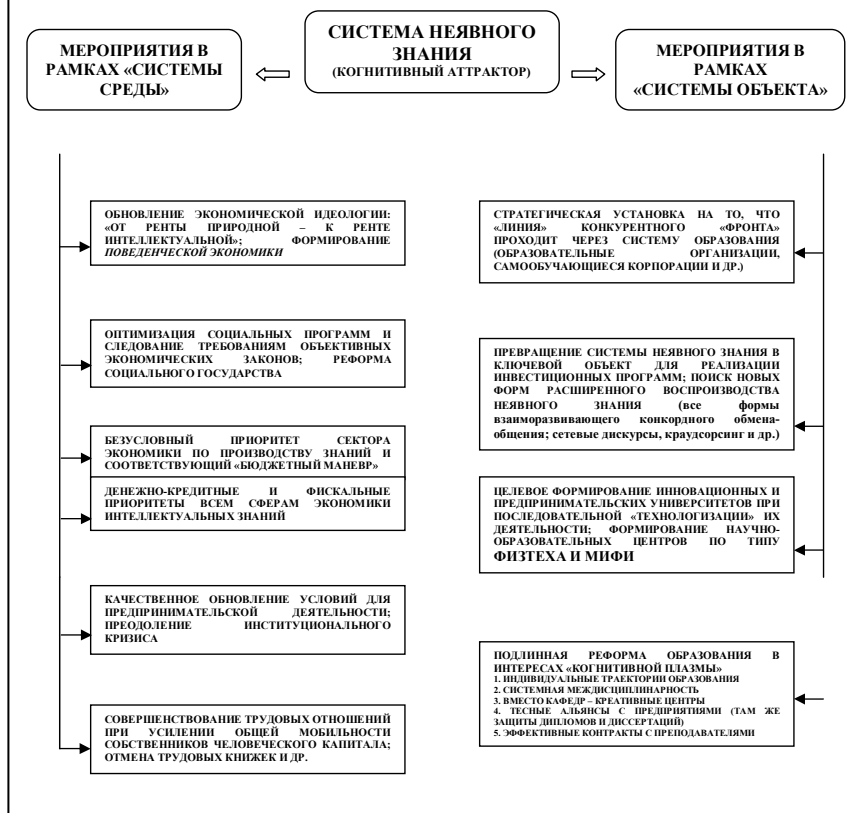
Таким образом, можно считать доказанной гипотезу о том, что именно система неявного (непередаваемого и передаваемого) знания является «когнитивным аттрактором» основных инвестиционных, управленческих и иных усилий, направленных на возрождение отечественной экономики. На фоне требуемого духовно-нравственного обновления общества, что непосредственно связано с воспроизводством системы неявного непередаваемого знания, качественное обновление неявного передаваемого знания, связанного с освоением VI технологического уклада, требует срочного проведения системных мероприятий (рис. 2).

При этом важно отметить, что существует немало публикаций, освещающих необходимость решения задач, связанных с качественным обновлением системы образования, созданием национальной инновационной системы, формированием самообучающихся корпораций, развитием венчурных фирм и т. д. Ключевым аспектом отмеченных мероприятий является то, что ценностно-смысловые усилия, или «психические интенсивности» по К.Г. Юнгу [20, с. 44–76], инвестиционные программы, монетарные и фискальные инструменты, организационные и институциональные механизмы следует нацелить на ускоренное развитие «когнитивной плазмы», или системы неявных знаний.

В заключение следует сделать ряд обобщений, характеризующих императивы развития современной экономики знаний.

Во-первых, базовым императивом развития современной экономики знаний является качественное обновление системы неявных непередаваемых знаний, представляющих собой *социально-экономический генотип* хо-

Рис. 2. Система мер, необходимых для качественного обновления системы неявных знаний

зяйственного агента. Это требует последовательной деятельности по устранению системы «трех провалов», где основным является провал общества в форме ценностно-смысловой, духовно-нравственной деструкции. В связи с этим мировой и отечественной экономике следует «освоить» не только новую технологическую волну шестого уклада, но еще и духовно-нравственную форму социокультурной волны (назовем ее *Д-волной*).

Во-вторых, следует актуализировать поиск форм и методов расширенного воспроизводства неявного передаваемого знания, то есть *техно-технологического прототипа*, обеспечивающего, в конечном счете, создание инновационных продуктов. В условиях «бизнеса со скоростью мысли» воспроизводство собственных неявных передаваемых знаний становится

делом самих экономических агентов, которые объективно трансформируются в *самообучающиеся структуры*. В данном случае императивом является повсеместность и самостоятельность воспроизводства ключевых компетенций как критического фактора и условия повышения уровня экономической устойчивости субъекта.

В-третьих, важнейшим императивом развития экономики знаний является система форм и методов их непосредственного производства и распространения. Здесь необходимо всесторонне совершенствовать систему одновременно рыночных и нерыночных обменов. *В рамках рыночных обменов* следует предусмотреть адекватные механизмы, реализующие требования эффективного контракта, обеспечивающего стимулы для непрерывного творчества собственников интеллектуальных капиталов. *В рамках нерыночных обменов* важно формировать механизмы внутрифирменного и межфирменного, личного и институционального доверия, что ускорит продуктивность всех форм дискурса. При этом, как отмечают исследователи, в современных условиях не рыночные обмены, а именно обмены деятельностью и «креативными энергиями» играют всевозрастающую роль [2, с. 132–141].

В-четвертых, императивом критической значимости является превращение отечественной системы науки и образования в *основной сектор экономики* со всеми вытекающими отсюда идеологическими, ценностно-смысловыми, инвестиционными, институциональными и другими последствиями. Здесь ключевыми представляются следующие положения. *Первое*, не следует более различать «учебу» и «работу»; речь идет о едином процессе формирования и развития творческо-трудовых компетенций у всех собственников интеллектуального капитала. *Второе*, концепция так называемого непрерывного образования и образования «на всю жизнь» должна быть дополнена концепцией опережающего образования и образования «через всю жизнь». *Третье*, современные университеты должны превращаться в научно-образовательные и одновременно технологическо-производственные центры, демонстрирующие единство науки, образования, бизнеса, государства и общества. *Четвертое*, качество современного образования должно характеризоваться актуализацией новых направлений, междисциплинарностью, личностной экологичностью, сетевизацией и виртуализацией форм, технологизацией, ориентацией на лучшие рыночные и нерыночные паттерны и др. *Пятое*, необходимо планомерное, но ускоренное движение университетов от традиционных вузов – к инновационным университетам и, далее, к лидерско-предпринимательским высшим учебным заведениям.

Литература:

1. *Белянова Е., Николаенко С.* Воздействие коррупции на развитие бизнеса: эмпирическая оценка // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 91–106.
2. *Ведин Н.В.* Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. СПб.: НПБК «РОСТ», 2006. 218 с.
3. *Гурвич Е.* Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 4–24.
4. *Дресвянников В.А.* Построение системы управления знаниями на предприятии. М.: КноРус, 2008. 344 с.
5. *Духовно-нравственная онтология современного социально-экономического развития: монография.* М.: КноРус, 2011. 328 с.
6. *Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера.* М.: Инфра-М, 2010. 624 с.
7. *Казьмин А.К.* Теория интеллекта: Как выбрать президента. М.: Московские учебники – СидиПресс, 2001. 240 с.
8. *Клейнер Г.Б.* Микроэкономика знаний в свете системной парадигмы // Инновационное развитие: экономика, интел. ресурсы, управл. знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: Инфра-М, 2010. С. 82–106.
9. *Клейнер Г.Б.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89–101.
10. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–23.
11. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ Москва, 2009. 317 с.
12. *Левин М., Сатаров Г.* Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 61–78.
13. *Левин М., Сатаров Г.* Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–30.
14. *Лунева Е.В.* Социальный капитал как фактор инновационного развития предприятия: моногр. – М.: Дашков и К, 2011. 140 с.
15. *Макаров В.Л., Клейнер Г.Б.* Микроэкономика знаний / Отд. обществ. наук РАН, ЦЭМИ РАН. М.: Экономика, 2007. 204 с.
16. *Мау В.А.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 4–33.
17. *Ольсевич Ю.Я.* Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 39–54.
18. *Ольсевич Ю.Я.* Психологические основы экономического поведения. М.: Инфра-М, 2010. 413 с.
19. *Салихов Б.В.* Интеллектуальный капитал организации (сущность, структура и основы управления): монография. – М.: Дашков и К, 2009. 156 с.
20. *Юнг К.Г.* Об энергетике души. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. 297 с.